

Хорст Пичман

Атлантическая история – между европейской и всемирной историей

Концепция атлантической истории получает с начала 1950-х годов все большее распространение¹. Особенно после 1989 года термин «Атлантика» быстро вошел в употребление, прежде всего в англоязычном пространстве. Однако он распространен и в остальных европейских странах. Это привело к тому, что в последние годы были учреждены специальные отделения в англоамериканских и западноевропейских университетах. Даже в Интернете эта область науки представлена в информационном комплексе исторической сети H-NET собственным отделением «История Атлантики», известным у нас в Германии прежде всего как ИСК (история-социология-культура). Чем иным может и должна на первый взгляд быть атлантическая теория, как не переносом средиземноморской концепции Фернанда Броделя в иное морское пространство, и возможно ли это вообще? Для того, чтобы глубже постичь возникновение, развитие и научно-историческое значение этого понятия, мы предлагаем следующий историографический ретроспективный взгляд. Непосредственно за этим исследуется вопрос научного потенциала данного вопроса в свете последних эмпирических разработок.

¹ Для выяснения понятия следует отметить, что употребление термина «Атлантика» исключительно в качестве географического названия в связи с прибрежными областями и провинциями как западноевропейских, так и африканских или американских государств, как в самом тексте, так и в списке литературы не рассматривается; сама «Атлантика» тогда относится исключительно к протяженным пространствам океана и связанными с ним концепциями, значениями и эмпирическими данными, когда прежде всего в списке литературы упоминаются также отдельные города со специфической функцией узловых пунктов в протяженных пересечениях отношений.

И, наконец, следовало бы бросить взгляд на развитие и особенности методики недавно появившегося направления исторической дисциплины и попытаться определить возможную постановку вырисовывающихся проблем.

В 1950-е годы, когда полным ходом шли «холодная война» между СССР и США и «горячая война» в Корее, была основана ООН и провозглашена Хартия прав человека, в западном полушарии (ключевое понятие для североамериканского подхода к атлантической истории) были основаны Организация Американских Государств и НАТО, а в Западной Германии началось повторное вооружение – на Международных конгрессах историков в 1950 и в 1955 гг. эта тема впервые попала в поле зрения широкой научной общественности. После того как уже в 1950 году швейцарский историк Макс Зильбершмидт прочитал свой доклад, имеющий отношение к атлантической теме, в 1955 году в Риме француз Жак Годешо и американец Роберт Палмер представили доклад о проблематике атлантической истории, который еще в 1978 году представителем Международного Комитета исторических наук К. Д. Эрдманном в его обзорном труде о международных исторических конгрессах был определен как псевдонаучная, политически мотивированная проблематика². Несмотря на то, что эмпирические данные по истории атлантического пространства были в середине 50-х годов довольно скудны по сравнению с сегодняшним днем, Эрдманну не помешало бы ко времени выхода своей книги в свет хотя бы мимоходом

² Ср. с соответствующей литературой по данному вопросу: K.D. Erdmann, *Die Ökumene der Historiker. Geschichte der Internationalen Historikerkongresse und des Comitü International des Sciences Historiques*. Göttingen 1987, S. 315; нужно заметить, что во время национал-социализма Атлантика также была тематизирована в исторических исследованиях, но рассматривалась скорее как опасное явление; ср. A. von Borries, *Europas Schicksalsfront: Atlantik; vom Voelkerringen zur See in fuenf Jahrhunderten*. Berlin 1942. Этой предысторией, в которой был рассмотрен с немецкой точки зрения гамбургский историк Густав Адольф Райн, автор не смог заняться. Так как в этом случае речь идет не о историографико-историческом исследовании, а о попытке объяснить актуальные исторические исследования на основании работ послевоенного времени, можно здесь от этого отказаться. Все сколь-нибудь важные исследования по этой проблематике были проведены после II мировой войны, что не обесценивает более ранних работ по Атлантике. Так, например, и в англосаксонской литературе об Атлантике сразу же после II мировой войны она рассматривалась как «граница»; ср. L.B. Wright, *The Atlantic Frontier. Colonial American civilization, 1607-1763*. New York 1947, причем Райт по-иному воспринимает границу, чем Боррис.

заняться историей европейской экспансии. Конечно, надо признать, что ко времени проведения конгресса термин «европейская экспансия», который в англосаксонском пространстве был в обиходе с 30-х годов, в Германии еще не прижился - там все еще говорили об эпохе «открытий и завоеваний», прежде чем в 60-е годы начала внедряться «европейская экспансия». «Проблемы восприятия», о которых так часто спорят специалисты-историки в настоящее время, были в большой мере частью исторических дискуссий в послевоенное время даже среди историков, ознакомленных с международными публикациями. Не удивляет поэтому факт, что первый приступ в исследовании «истории Атлантики», который пытался наполнить этот термин значением и содержанием, нашел сначала так мало откликов³, в то время как в чисто географическом отношении это понятие впоследствии «сделало карьеру», прежде всего в истории иберийской экспансии, как соединяющее морское пространство⁴.

В этом контексте целесообразно вспомнить общепринятое на сегодняшний день хронологическое деление эпохи так называемой первой экспансии - со времени позднего Средневековья до приблизительно 1830 года. Первую, в некотором смысле подготовительную фазу составляет эпоха со второй половины XIII столетия - время решительного прорыва иберийской реконквисты в исламских областях, которое привело к открытию Гибралтарского пролива для христианского судоходства и к началу регулярных торговых контактов между италияно-иберийской Европой и Европой северноморского региона с применением различных видов мореходной и судостроительной техники - до середины XV столетия, когда

³ См. N. Canny, *Writing Atlantic History; or Reconfiguring the History of Colonial British America*, // *The Journal of American History*, Bd. 86, Nr. 3, December 1999, pp. 1093-1114; см. также H. Pietschmann, *Geschichte des atlantischen Systems, 1580-1830. Ein historischer Versuch zur Erklarung der 'Globalisierung' jenseits nationalgeschichtlicher Perspektiven. Berichte aus den Sitzungen der Joachim-Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften E. V. Hamburg*, Jg. 16, Heft 2. Hamburg 1998. Ср. Canny также в другом контексте, где англосаксонская роль в процессе утверждения данной концепции усилена, автор чаще указывал на французскую предысторию, хотя в последнее время оба варианта сближаются.

⁴ Уже в 1950-е годы началось издание исторического журнала „Anuario de Estudios Atlánticos“ (Ежегодник атлантических исследований), который, несмотря на его научно обоснованные статьи, был известен лишь специалистам по иберийской экспансии.

продвижение португальцев вдоль африканского побережья характеризовалось скорее всего поисками путей в Индию, чем реконкистой в Северной Африке. Вторая фаза, начиная приблизительно с 1460 года, охватывает время крупномасштабного продвижения португальцев и кастильцев в морях с разграничением сфер интересов в Атлантике в соответствии с Тордесильясским договором 1494 года и последующим основанием колониальных империй по обе стороны Атлантики вплоть до унии двух иберийских держав в 1580 году, в результате чего за Атлантикой закрепилось даже название «испанское море»⁵. Третья фаза охватывает годы приблизительно с 1580 по 1700, когда англичане, голландцы и французы, стремясь нанести военное поражение могущественной габсбургской империи в Америке (источнику ее богатства - драгоценных металлов, сахара и т. д.), покровительствовали корсарству, капёрству и обыкновенному пиратству, направленному против иберийских центров в Африке и Америке. В результате приобретались колонии в Северной и Южной Америке, заселение которых поощрялось. Эта фаза заканчивается расторжением унии между Испанией и Португалией и признанием в последующие годы колониальных владений конкурирующих европейских держав, реакцией которых на это признание было преследование раньше поддерживаемого ими пиратства, а также включение атлантического пространства в договорную политику. Четвертая и последняя, наконец, фаза включает в себя время с 1700 года до 1830-го, когда внутриевропейские конфликты в борьбе за экономическую доминацию, торговые права и приобретение земель возникали главным образом в Африке и Америке. В то же время колонии, особенно американские колонии европейских держав, окрепли и требовали большей политической автономии, и в конце концов большинство из них добились независимости.

⁵ Указанное выше хронологическое деление базируется, в частности, на P. Chauncy, *L'expansion européenne du XIIIe au XVe siècle*. Paris 1969; он же, *Conquête et exploitation des nouveaux mondes. XVIe siècle*. Paris 1969; G. Kahle, *Latinamerika in der Politik der europaischen Maechte*. Koeln, Weimar, Wien 1993. Главной с европейской точки зрения по этому вопросу является недавно появившаяся статья: Кляйнманн Х.-О. *Атлантическое пространство как проблема европейской системы государств* // Европа. - 2001, - т. 1, № 1 (1). - С. 9-33; он также *Der atlantische Raum als Problem des europaischen Staatensystems*, // *Jahrbuch fuer Geschichte Lateinamerikas* (Koeln, Weimar, Wien), Bd. 38, 2001, S. 7-30.

Этот краткий хронологический обзор убедительно показывает, что европейские державы в отдельные фазы процесса своей экспансии не только играли разные по весу роли, но и вступали в этот процесс в разные временные отрезки европейской истории.

Это отразилось также на развитии историографии. Испанские и португальские ученые занимались прежде всего двумя первыми фазами этого процесса, когда Испания и Португалия играли ведущую роль. XVII век, в котором их доминация пошла на убыль, они долгое время оставляли без внимания и обращались только к самому концу XVIII века, когда стала намечаться потеря обширных частей их колониальных владений. Англичане, французы и голландцы, напротив, занялись третьей и четвертой фазами этого процесса, и в каждой из них они пытались найти более широкие интерпретации - на фоне разных эпох европейской истории, разных по своей структуре. Это важное обстоятельство, помогающее объяснить различное развитие историографии в некоторых европейских государствах, участвовавших в экспансии, ни в коем случае не следует упускать из вида.

То обстоятельство, что понятие «Атлантика» в иберийской истории экспансии было принято очень рано и беспрепятственно, имеет, по-видимому, три причины - причем историография, заметим попутно, сформированная понятиями «открытие и завоевание», сразу перешла к атлантической фазе, в то время как понятия, связанные с «экспансией», если и были введены, то позже и спорадически. Здесь прежде всего имеет значение то обстоятельство, что обе державы очень рано завладели всеми лежащими вблизи Европы и Азии группами островов и заселили их: Испания - Канарские острова, единственные до этого заселенные, Португалия - Мадейру с Порту Санту, Азоры и острова Зеленого Мыса - островные группы, которые играли роль посредника в процессе экспансии. Кроме того, важно то обстоятельство, что обе державы, установив в Тордесильясском договоре 1490 года разделительную линию разграничения своих интересов, проходящую через Атлантику с севера на юг, впервые предприняли эпохальное геополитическое направление развития, которому португалоязычная Бразилия обязана своим возникновением. Третьим обстоятельством, которое содействовало испанской экспансии, послужил тот факт, что Испания уже во времена Карла V имела флот, два раза в год совершавший плавание

между Севильей, позже Кадисом и центральными карибскими портами – Гаваной, Картахеной и Веракрусом. С одной стороны, она ограничивала свое атлантическое присутствие в довольно четко очерченных районах Атлантики, которые она, с другой стороны, определяла своим настойчивым присутствием, чем не в последнюю очередь облегчала поиск источников для будущих историков. Тем самым «Атлантика» была для иберийской историографии вполне естественным морским пространством собственной истории, как, например, Северное море для истории Гамбурга. Во времена Франко и Салазара были сделаны попытки навести через это пространство мосты при помощи концепций «испанства» и «лузитанства». Хотя иберийская историография экспансии или «атлантическая» историография внесли после 1960-х гг. фундаментальный вклад в историю мореплавания и торговли в Атлантике, а также в исследование исторического значения иберийских островных групп⁶, при изучении развития своей собственной атлантической истории их можно не учитывать, так как исторические исследования, в противоположность другим атлантическим отправным пунктам, никогда не предпринимали серьезных попыток вывести из атлантической истории цивилизаторскую концепцию, связывающую обе стороны континента. Вместо этого они всегда проецировали через океан только Испанию или только Португалию. Иберийские исторические исследования никогда не были в состоянии выйти за национальные рамки интерпретации истории, в лучшем случае представления испанских историков раннего Нового времени об испанской империи со времен Карла V были перенесены через океан в Америку. Иберийские исторические исследования никогда не ставили собственных акцентов и развивались, следуя преимущественно историографическому развитию прежде всего во Франции и в англосаксонском пространстве.

В годы после конгресса историков 1955 года морской масштаб раннего периода Нового времени Западной Европы был в очередной раз подчеркнут двумя англичанами Чарлзом Боксером и Джоном Парри в их работах «Голландская морская империя» (*The Dutch Seaborne Empire*), «Португальская морская

⁶ Так, например, еще в корабельном журнале одного гамбургского конвоя в Кадис в 1671 году, ср. Friedrich Martens, *Hispanische Reisebeschreibung de anno 1671*, W. Junk (Hrsg.), Berlin 1925.

империя» (*The Portuguese Seaborne Empire*) и «Испанская морская империя» (*The Spanish Seaborne Empire*). До этого французские историки Пьер Шоню и Фредерик Моро, принадлежащие к школе Боде, определили «Атлантику» как пространство, формирующее историю (нужно помнить о важном значении географии в концепции истории для Броделя), сделав это центральной темой двух своих монументальных трудов, во многом определивших направление исследований⁷. В них впервые были представлены в большом количестве эмпирические данные по историческому взаимодействию между Европой и Америкой, которые побуждают использовать эти работы как «научный прииск» далеко за рамками иберийской истории.

После того как в 1957 году вышла в свет не привлекавшая особого внимания «История Атлантического океана»⁸, в середине 60-х гг. бельгиец Шарль Верлинден опубликовал

⁷ Ср. например, A.G.B. González, *Cádiz y el Atlántico 1717–1778. El comercio colonial español bajo el monopolio gaditano*. 2 Bde. Sevilla 1976; E.V. Vilar, *Los Corzo y los Mañara: Tipos y arquetipos del mercader con América*. Sevilla 1991; A.-M. Bernal, *La financiación de la carrera de Indias (1492–1824). Dinero y crédito en el comercio colonial español con América*. Sevilla, Madrid 1992; P.E. Pérez-Mallaína Bueno, *Los hombres del océano. Vida cotidiana de los tripulantes de las flotas de Indias. Siglo XVI*. Sevilla 1992; Enrique Otte con la colaboración de Guadalupe Albi, *Cartas privadas de emigrantes a Indias, 1540–1616*. México 1993; M.B. Rodríguez, *Los hombres del océano. Vida cotidiana de los tripulantes de las flotas de Indias. Siglo XVI*. Sevilla 1992; M.B. Rodríguez, *Los comerciantes de la carrera de Indias en el Cádiz del siglo XVIII (1713–1775)*. Cádiz 1995. Мы называем здесь лишь некоторые значительные примеры. Энрике Отте из Свободного Берлинского университета представляет в этом ряду немецкую историческую науку, профессор уже на пенсии и он предпочитает публиковать свои работы на испанском и английском языках. К Португалии ср. L.A. da Fonseca, *The discoveries and the formation of the Atlantic Ocean: 14th century – 16th century*. Lisboa 1999; K.S. Mathew, *Indo-Portuguese trade and the Fuggers of Germany: sixteenth century*. New Delhi 1997; A. Vieira, *Portugal y las y las islas del Atlántico*. Madrid 1992 und in diesem Bd. A.A. Marques de Almeida, *Capitais e capitalistas no comércio da especiaria: o eixo Lisboa-Antuérpia, 1501–1549. Aproximação a um estudo de geofinança*. Lisboa 1993; A. Carreira, *As companhias pombalinas de Grão-Pará e Pernambuco e Paraíba*. 2. Aufl. Lisboa 1983; Luís Lisanti, compilar, *Negócios coloniais. Uma correspondência comercial do século XVIII*. 5 Bde. Brasília 1973.

⁸ C.R. Boxer, *The Dutch Seaborne Empire. 1600–1800*. London 1965; он же *The Portuguese Seaborne Empire, 1415/1825*. London 1969; John H. Parry, *The Spanish Seaborne Empire*. London 1966; H., P. Chaunu, *Savoille et l'Atlantique. 1504–1650*. 8 Bde. in 11. Paris 1955–1959; F. Mauro, *Le Portugal et l'Atlantique au XVIIe siècle. 1570–1740*. Paris 1960. Нужно заметить, что оба англичанина уже в своих более ранних работах указывали на значение морского пространства, но не брали его в заглавие своих основных работ и не занимались его более глубоким исследованием в исторической перспективе.

историю атлантической цивилизации, представляющую собой первую связную попытку общей «атлантической истории» с экономической, социальной и культурной точки зрения, по крайней мере для Европы и Америки, – историю, которую можно рассматривать как «общее историческое наследие». Но эта работа получила распространение преимущественно среди специалистов по истории экспансии⁹, т.к. в это время – время наивысшего противостояния между Западом и Востоком – главными темами исторических прений были колониализм и империализм, развитость и слаборазвитость, зависимость и доминантная капиталистическая экономика. Появившийся в 1970 году первый том из серии «Мировая система» Уоллестейна, влияние которой можно было проследить вплоть до 80-х годов, когда вышли в свет обзорные тома Вольфганга Рейнхардта, наглядно показывает это¹⁰. Однако и здесь, хотя с иной, преимущественно экономико-исторической перспективы, прослеживается попытка создать пересекающую Атлантику историческую взаимозависимость между Европой, Африкой и Америкой с последствиями, которые действуют вплоть до сегодняшнего дня. В этой связи следует констатировать, что здесь впервые проводится связь между экспансией раннего Нового времени и зарождением мировой экономики, причем связь причинно-следственная. После непродолжительного успеха работы ее влияние в Европе оказалось более чем скромным, а ее перевод в ФРГ на немецкий язык ничего в этом не изменил.

Параллельно этому действующая в рамках Международной комиссии исторических наук (*Comitè Internatiònal des Scienses Historiques*), по времени старшая, но некоторое время находившаяся под сильным влиянием Броделя и долгие годы руководимая французом Мишелем Молла Международная комиссия по морской истории (*Internationale Kommission fuer maritime Geschichte*) привнесла свой вклад в то, что морские пространства настолько часто становились объектами исторического исследования, что их стали даже определять самостоятельными историческими дисциплинами. Однако с начала 50-х годов это было связано с чисто историко-географическими соображениями. Не существовало попыток развить из этого взаимосвязанные исторические концепции. Следует также

⁹ Ср. L. Outhwaite, *The Atlantic; a history of an Ocean*. New York 1957.

¹⁰ C. Verlinden, *Les origines de la civilisation atlantique. De la Renaissance à l' Age des Lumières*. Neuchâtel, Paris 1966.

упомянуть известный в Европе, но более старый, появившийся еще до II мировой войны, термин «история заокеанских владений» (*Ueberseeegeschichte*)¹¹, который своим главным содержанием - описание действий европейцев вне континента - отличался от «истории экспансии» лишь в некоторых нюансах и с точки зрения методики и концепции в интересующем нас отрезке времени не достиг какого-либо целостного обобщения.

Здесь мы должны отметить, что, несмотря на наличие взаимосвязи между всеми этими названиями, не следует вести номиналистический спор о понятиях или о евроцентризме, или даже о мультикультуре. Необходимо также указать на то, что некоторые из этих понятий, особенно те, которые связаны с «открытиями и завоеваниями», «европейской экспансией», а с недавних пор и с «атлантической историей», вызваны различным подходом к данной проблеме и, соответственно, с различными возможностями познания. Вместе с тем следует заметить, что при относительно небольшом числе ученых, занимающихся этими вопросами, слишком больших расхождений в терминах еще не наблюдалось.

Если пришедшее из XIX века определение эпохи «веком открытий и завоеваний» носило печать индивидуалистического понимания истории и в связи с этим концентрировалось на исследовании происхождения, мотивировки и образа действий и т. д. «великих» мореплавателей и первооткрывателей или же знаменитых завоевателей внеевропейских империй, то после введения понятия «европейская экспансия» интерес исследователей обратился к более широким структурным взаимосвязям в экономике, обществе, политике, культуре и религии, из которых берет свое начало процесс экспансии в странах, принявших в нем участие. В то время как классическая история завоеваний старалась отслеживать своих деятелей даже во внеевропейских архивах, более структурно ориентированная история экспансии, с ее интересом к европейским подоплекам, ограничивалась долгое время первоисточниками из европейских архивов, проделав в этом контексте, конечно, очень ценную работу по открытию первоисточников.

Два явления показывают наглядно, как сильно зависели друг от друга история экспансии и взгляд из Европы на внешний мир. Во-первых, исследователи, занимающиеся исто-

¹¹ I.M. Wallerstein, *The modern world-system*. New York 1974; он же: *Mercantilism and the consolidation of the European world - economy, 1600-1750*. New York 1980. W. Reinhard, *Geschichte der europaeischen ...*

рией той или иной колонии, ограничивались колониальной политикой и ее осуществлением на основе первоисточников центральных колониальных администраций, сохранившихся в европейских странах и в большинстве случаев уже прошедших через различные административные фильтры, прежде чем дойти до европейской метрополии. Во-вторых, исследователи, работающие в этом направлении, никогда не ставили вопроса об обратном воздействии экспансии на Европу. Были лишь сделаны попытки реконструировать и квантифицировать торговые и финансовые статистические данные, чтобы подсчитать прибыль и убытки относительно той или иной колониальной экспансии. Это имело место даже тогда, когда, как, например, в случае Англии, история экспансии была сильно связана с историей индустриализации. Почти не были исследованы довольно важные обратные воздействия на Европу, как, например, все усиливающееся, начиная с XVII века, распространение неевропейских продуктов и полезных растений, таких, как картофель, красители, кукуруза, сахар, а также чай, какао и кофе, что привело к широкомасштабной реструктуризации в аграрном и промышленном секторе, а также в торговле и потреблении. Пожалуй, только история литературы и родственная ей история «цивилизаций», а также с недавних пор история потребления – исследовательские направления, никак не связанные с экспансией, – начали изучать эти проблемы, причем сравнительно поздно¹².

Так как исследования по истории экспансии проводились, исходя из национальных процессов, они неизбежно заканчивались исследованиями по истории «колониальных империй» (как это видно из приведенного выше названия работы Боксера и Парри), которые в лучшем случае подвергались потом сравнительному анализу в «атлантической» перспек-

¹² Основанный в 1970-х гг. Бамбергский центр истории экспансии использует понятие «история заокеанских колоний», как и ранее, ср. T. Beck, H. Gruender, H. Pietschmann, R. Ptak (Hrsg.), *Ueberseegeschichte. Festschrift anlaesslich der Gruendung der Forschungsstiftung fuer vergleichende europaeische Ueberseegeschichte 1999 in Bamberg*. Stuttgart 1999. На историческом семинаре в Гамбургском университете это понятие по настоянию автора этих строк было в рамках нового структурирования заменено на «внеевропейскую историю», название, которое лишь сигнализирует сдвиг акцентов, не обозначая до конца предмета определения. Во Франции определение «история заокеанских колоний» по-прежнему используется в старых традиционных институтах и заголовках журналов.

тиве. В той мере, в какой распространялся радиус действия той или иной европейской державы, «процесс экспансии» неизбежно превращался в «колониальную империю» или, по крайней мере, в «торговую империю», так как в конце концов правящие слои метрополий определяли то, что должно происходить во внешнеевропейских регионах. Политические цели очень часто молча приравнивались к «колониальной действительности». Если правительство вводило какой-нибудь запрет, то предмет этого запрета в данном регионе не существовал, если выразить это очень упрощенно. Особенно частые жалобы колониальных администраций всех колониальных держав на распространение коррупции, т. е. обход или несоблюдение постановлений и запретов метрополии, замалчивались как исключения, но она (коррупция) становилась все в большей степени важным структурным признаком колониальной империи. Морские пространства, особенно в Атлантике, которые находились в радиусе влияния той или иной колониальной империи, считались ее собственностью или же становились спорным пространством. Колониальные империи «возникали», «росли», «крепли», «слабели» или «приходили в упадок». Эти оценки, долгое время распространенные в историографии, показывают границы концепции отправной точки исследования.

Другим феноменом, который классическая история экспансии долгое время не учитывала, и даже в настоящее время недооценивает, является тот факт, что в ходе завоеваний в раннюю новоевропейскую эпоху европейцы не могли закрепиться или завоевать туземные царства ни в Америке, ни в Азии, ни в Африке без сотрудничества или, по крайней мере, терпимости части местного населения. Это приводило к тому, что европейские поселенцы в политике, культуре и экономике должны были действовать между двумя культурами, и в скором времени они начали отличаться от соотечественников в странах их происхождения, которые поэтому относились к ним с презрением или недоверием. Эта на первый взгляд мало связанная с атлантической тематикой проблема имеет, по сути дела, большое значение для концепции «атлантической истории» и может быть предметом отдельного исследования.

В истории экспансии «Атлантика», как охватывающий отдельные колониальные империи феномен, была открыта заново где-то с начала 1970-х годов, когда после многолетнего

изучения отдельных колониальных империй¹³ появилась потребность провести параллель между отдельными колониальными империями, а также всей Европой¹⁴.

Этому предшествовали две тенденции в историографии, которые сыграли решающую роль в развитии «атлантической истории»: бурное развитие истории «атлантической торговли» и совершенно самостоятельной колониальной исто-

¹³ Как попытка резюме дискуссии в 1980-е годы: Н. Pietschmann, *Der atlantische Sklavenhandel bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts. Eine Problemskizze*, // "Historisches Jahrbuch", 107. Jahrgang. Erster Halbband, Freiburg-Muenchen 1987, S. 122-133. После долгого времени, в течение которого дискуссия об индустриализации и работорговле велась «на тихом огне», в последнее время она снова «разгорелась».

¹⁴ Изъята из этого утверждения должна быть, без сомнения, область океанской торговли, которая интенсивно обсуждалась в контексте внутриевропейских последствий, а также область исследования потока драгоценных металлов в Европу, ср. только к организаторским аспектам Р. Emmer, F. Gaastra (eds.), *The organization of interoceanic trade in European expansion, 1450-1800*. Aldershot, Brookfield 1996, zu den Edelmetallflüssen nach Europa z. В.М. Morineau, *Incroyables gazettes et fabuleux métaux. Les retours des trésors américains d'après les gazettes hollandaises (XVI - XVIIIe siècles)*. London, New York, Paris 1985. На что повлияли привозимые в Европу продукты, осталось без внимания. После первой попытки представить последствия того, что осталось без внимания, ср. А.В. Crosby, *The Columbian exchange; biological and cultural consequences of 1492*. Westport 1972, и вторая книга автора *Ecological Imperialism: the biological expansion of Europe, 900-1900*. Cambridge, New York 1986, а также первые европейские попытки изучения этих последствий, ср. первые попытки в ФГТ: „Jahrbuch fuer Geschichte von Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas“, Bd. 32, 1995, со статьями Вольфенбюттельской конференции на эту тему, опубликованными в Италии, но с общеевропейской перспективой: *Prodotti e Tecniche d' Oltremare nelle Economie Europee Secce. XIII-XVIII.- Atti della "Ventinovesima Settimana di Studi" 14-19 aprile 1997*, a cura di Simonetta Cavaciocchi. Istituto Internazionale di Storia Economica "F. Datini", Prato. Serie II: Atti della " Settimana di Studi e altre Convegni, Bd. 29. Firenze 1998. В итальянском каталоге выставки в Генуе в 1992 видно довольно недостаточное состояние исследования проблемы, ср. *Animali e Piante dalle Americhe all' Europa*. Genova 1991; это отдельные региональные узконаправленные исследования об отдельных продуктах, только недавно появилось широкое в этом смысле исследование, ср. Р.Н. Stearns, *Consumerism in world history: the global transformation of desire*. London, New York 2001. В отношении духовных последствий, восприятия и противоборства в Европе на тему экспансии назовем прежде всего пионера исследований Манфреда Косока, ср. М. Kossok, *Im Schatten der Heiligen Allianz. Deutschland und Lateinamerika 1815-1830*. К политике немецких государств в отношении освободительных движений Центральной и Южной Америки: тот же, *Ausgewählte Schriften*, hgg. von M. Middell. 3 Bde. Leipzig 2000, а недавно R. Pieper, *Die Vermittlung einer neuen Welt. Amerika im Nachrichtennetz des Habsburgischen Imperiums 1493-1598*. Mainz 2000; Peter Schmidt, *Spanische Universalmonarchie oder "teutsche Libertet"*. *Das Bild des spanischen Imperiums in der Propaganda des Dreissigjaehrigen Krieges*. Stuttgart 2001.

рии с 1960-х годов, импульсом для которых послужили работы двух французов, Пьера Шоню и Фредерика Моро, по крайней мере в иберийской и африканской областях. Сразу же после первой широкой квантитативной инвентаризации, проделанной Филипом Кюртэном¹⁵ в конце 60-х годов, в исследовании работоторговли разразился настоящий бум на тему работоторговли. За ним последовала интенсификация исследований тесно взаимосвязанных комплексов вопросов о рабстве в Америке вообще, плантационном хозяйстве в Бразилии, Карибском бассейне и США, а также об эпидемиологических последствиях отчасти вынужденных, отчасти добровольных миграций, которые сопровождали эти процессы. Это самостоятельная отрасль исследований, и мы не имеем возможности заняться ею подробнее. В этом отношении следует лишь указать на последние работы по этому вопросу¹⁶. Важным является то обстоятельство, что в работе Кюртена Атлантика впервые нашла свой собственный предмет, из которого очень скоро получил свое развитие часто упрощенно используемый, но имеющий центральное значение для последующего развития чисто атлантический образец интерпретации, т. е. образец «атлантического торгового треугольника». Эта торговля осуществлялась, упрощенно говоря, следующим образом: европейские купцы – португальцы, голландцы, англичане, французы, датчане и даже в одно время брандербургцы и курляндцы – поставляли европейские продукты в Африку, меняя их на рабов, которых затем перевозили через Атлантику в Америку и продавали от Бразилии до США преимущественно как рабочую силу для плантационного хозяйства, производящего тропические и субтропические изделия. Там они грузили на корабли сахар, какао, красящие вещества и другие продукты плантационного хозяйства и возвращались в Европу. Таким образом, Атлантика была непосредственно связана с комплексной тематикой, которая в принципе могла рассматриваться только с морской перспективы и одновременно иметь многочисленные тематические продолжения и прежде всего связи с приграничными регионами Атлантики. Вместо отдельных колониальных империй на первый план научного интереса все заметнее выдвигались переплетения с европейской, африканской, североамериканской и латиноамериканской историей, а на

¹⁵ Ср., в частности, H. Pietschmann, *Burocracia y corrupciyn en la Hispanoamirica colonial. Una aproximaciyn tentativa* // "Nova Americana" (Turin), Nr. 5, Jg. 1982, s. 11-37. Широкое исследование о «мягком» отношении к нормам метрополий в колониях отсутствует до сих пор.

¹⁶ Ср. уже Н. Канны в статье в этом томе.

задний план уходил экспансионно-исторический подход с его колониальными империями. Вместе с тем в поле интереса исторического исследования попал атлантический субрегион, который особенно тесно был связан с работоторговлей и плантационным хозяйством – Карибский бассейн.

Вопрос о прибылях от этой торговли и их применении возбудил дискуссию о факторах, которые вызвали индустриализацию в Англии: вынужденная миграция африканских рабов сравнивалась и тематически связывалась с европейской миграцией в Америку.

Дискуссия о последствиях для Африки и американских плантационных регионов на обоих полушариях очень скоро привела к дискуссиям о развитии и отсталости стран (ср. дебаты об оси Север-Юг, ведущиеся с 1970-х годов). Для Западной Европы, Африки и Америки это новое измерение атлантической истории послужило началом для исследований по истории народонаселения и миграции, а также других родственных аспектов в данных регионах. В общем это новое измерение атлантической истории ввиду ее этико-нравственных импликаций – Организация Африканских Государств до сегодняшнего дня требует финансовой компенсации за людские потери и страдания жертв – является важным элементом идеологических споров о колониальной эксплуатации, империализме, отсталости и расизме, которые ведутся с 1970-х годов. Изучение истории атлантической работоторговли и, соответственно, торгового треугольника со всеми его экономическими, социальными, культурными, демографическими импликациями образовало своего рода идеологический ореол, в котором дискуссии ведутся большей частью с помощью моральных аргументов и реже на основе фундаментальной компетентности. Более дифференцированный взгляд на атлантическую историю раннего периода Нового времени предложили новые ревизионистские исследования, которые предоставили убедительные доказательства, что работоторговля была бы невозможна без содействия народностей африканского побережья, что далеко не все рабы работали и гибли на плантациях, что высокие цены на рабов в Америке, начиная с XVIII века, способствовали лучшему обращению с рабами и лучшему их питанию по сравнению, например, с восточнонемецкими и восточноевропейскими подневольными крестьянами¹⁷. Конечно, не следует сразу же принимать

¹⁷ Из работ, число которых растет с 1970-х гг., см. Ralph Davis, *The Rise of the Atlantic Economies*. London 1973; J.R. McNeill, *Atlantic empires of France and Spain: Louisbourg and Havana, 1700–1763*. Chapel Hill 1985; P.K. Liss, *Atlantic Empires*.

противоположную точку зрения и брать для примера концерт барочной музыки на Кубе в конце XVIII века – засвидетельствованный случай, – когда некий ирландский плантатор организовал по случаю какого-то праздника концерт с участием оркестра, состоявшего из черных рабов под управлением немецкого дирижера, исполнявшего музыку Гайдна, – хотя в других регионах среди сбежавших рабов находилось сравнительно много музыкантов, вплоть до умеющих играть на валторне¹⁸. К этому следует добавить, что особые общеатлантические исторические традиции появились скоро даже в области истории политических идей¹⁹, а также постепенно и в других направлениях исторических исследований²⁰.

The Network of Trade and Revolution, 1713–1826. Baltimore 1983; I.K. Steele, *The English Atlantic, 1675–1740: an exploration of communication and community*. New York 1986; D. Hancock, *Citizens of the world: London merchants and the integration of the British Atlantic community, 1735–1785*. Cambridge, New York 1995; J.I. Israel, *Conflicts of Empires. Spain, the Low Countries and the Struggle for World Supremacy, 1585–1713*. London 1997; D. Birmingham, *Trade and empire in the Atlantic, 1400–1600*. London, New York 2000. В некоторых работах ставятся уже новые методические отправные точки.

- ¹⁸ Здесь можно указать на одну из важнейших работ недавно умершего итальянского ученого Романо, принадлежавшего школе Броделя, см. R. Romano, *Conjonctures opposées. La "crise" du XVIIe siècle en Europe et en Amérique ibérique*. Genf 1992, который первым среди историков экспансии выдвинул тезис о том, что колонии, в отличие от своих метрополий, проделали независимое, позитивное конъюнктурное и экономическое развитие, в то время как большинство колониальных держав прошли экономический кризис. Хотя два ведущих испанских и латиноамериканских историка Вудро Бора или Джон Линч разработали этот тезис впервые, Романо первым сделал это на основе систематического статистического сравнения.
- ¹⁹ P.D. Curtin, *The Atlantic Slave Trade. A Census*. Madison 1969. Следует отметить, что автор в последние годы опубликовал много книг о трансатлантической работорговле, которые, однако, здесь не могут быть указаны. Вместо этого мы укажем на две книги о развитии отношений на западноафриканском побережье: R. Law, *The Oyo Empire, c. 1600 - c. 1836. A West African imperialism in the era of the Atlantic slave trade*. Oxford 1977; тот же, *The slave coast of West Africa 1550–1750. The impact of the Atlantic slave trade on an African society*. Oxford 1991. В этой связи необходимо добавить, что более или менее параллельно с исследованием вынужденного перемещения африканских рабов было исследовано и европейское трансатлантическое переселение, ср. P.C. Emmer (ed.), *Colonialism and migration. Indentured labour before and after slavery*. Dordrecht, Hingham 1986; N. Canny (ed.), *Europeans on the move. Studies on European migration, 1500–1800*. Oxford, New York 1994.
- ²⁰ Ср. H.S. Klein, *The Atlantic slave trade*. Cambridge, New York 1999. А также параллельно этому появившийся CD-ROM его же *The trans-Atlantic slave trade: a database on CD-ROM*. Cambridge 1999. Кляйн, так же, как и Кюртэн, кроме уже указанных работ, опубликовал целый ряд исследований по этой теме.

Начиная с 70-х годов, число книг на тему атлантической истории постоянно росло²¹. Поэтому неудивительно, что среди них встречаются многочисленные частичные «Атлантики». Наряду с «атлантическими империями», каждая из которых соответствует своей метрополии, можно встретить, например, «тропическую Атлантику»²² или даже «тропический Версаль» в Атлантике²³, «черную Атлантику»²⁴ и т. п. Частично к Атлантике причисляются даже европейские метрополии²⁵. Культурные явления представлены в атлантическом контексте шире и тем самым глубже обнаруживается их схожесть²⁶. Иногда лишь вновь появляется название «История Атлантики»²⁷. При чтении одних только заглавий невольно возникает предположение, что многие авторы проецируют на Атлантику с ее эмпирическими реальностями явления, которые известны совершенно в другом историческом контексте. Является ли Атлантика экраном, на который проецируются старые знакомые концепции, например, из европейской истории? Исходя только из заглавия работ и их основного направления – количество публикаций не оставляет возможности для их более глубокого анализа, – мы не в состоянии, конечно, сделать убедительные выводы, хотя для оправданного подозрения в этом смысле имеется достаточно

²¹ H. Pietschmann (Hrsg.), *Arbeit im transatlantischen Vergleich. Comparatio // "Leipziger Beitrage zur Universalgeschichte und vergleichenden Gesellschaftsgeschichte"*. 4. Jg., Heft 4, 1994, S. 7–108.

²² W. Klooster, *Subordinate but proud: Curazao's free Blacks and Mulattoes in the eighteenth century*, // "New West Indian Guide" / "Nieuwe West – Indische Gids", Bd. 68, Nr. 3 & 4, 1994, S. 283 - 300, hier S. 285

²³ J.G.A. Pocock, *The Machiavellian moment. Florentine political thought and the Atlantic republican tradition*. Princeton 1975.

²⁴ См. также: A.R. Bach, *Colonial transformations. The cultural production of the New Atlantic World, 1580–1640*. Houndsmills, New York 2000.

²⁵ Автор нашел несколько сот публикаций на эту тему, большинство из которых написано по-английски, многие по-французски, испански и португальски и очень мало на других языках.

²⁶ P.D. Curtin, *The tropical Atlantic in the age of the slave trade*. Washington D. C. 1991. Было бы интересно проверить, насколько определяется в выборе этого названия автором смена значения в отношении атлантического размера исследованных им исторических связей в сравнении с его работой с 1969. Тот факт, что подобное развитие мысли автора имеет место, подтверждается названием его последних работ, которые направлены уже на «глобальную историю». Ср. P.D. Curtin, *The world and the West: the European challenge and the overseas response in the Age of Empire*. Cambridge, New York 2000.

²⁷ K. Schultz, *Tropical Versailles: Empire, Monarchy, and the Portuguese Royal Court in Rio de Janeiro, 1808–1821*. New York 2001.

поводов. Даже если подобное развитие не дает особых оснований и доводов для концепции «атлантической истории», из этого вытекает в любом случае процесс сгущения информации, который может рассматриваться как попытка формирования, идентификации, описания и определения известных концепций, помимо «чистых» проекций, в другие, специфически «атлантические» рамки. Характерные черты видны собственно уже на ранней стадии данного процесса; мы имеем в виду направление исторической мысли как в пространственных, так и больших в смысле содержания связях, из которых более или менее необходимо возникла потребность как в разграничении, так и в сравнениях и обобщениях. Но должно было пройти время – до 1990-х годов, пока эти сравнения и обобщения привели к конкретным методико-определятельным выводам.

Прежде чем мы рассмотрим попытки дефиниций «атлантической истории», следует кратко упомянуть отрасль исторических исследований, которая с начала 60-х годов заметно отдалялась от господствующей в то время истории экспансии, а именно относительно самостоятельную «колониальную историю». Импульсом для этих исследований оказалась, с одной стороны, потребность в изучении колониального прошлого независимых с XIX-XX веков американских и африканских государств с целью понять процессы независимости и государственного образования и анализировать значение и последствия соответствующего «колониального наследия», с другой – в исследовании разнообразной реальности в колониях в продолжение традиционной истории экспансии. В зависимости от различных эпох и от колониальных владений, которые принадлежали различным державам, эта область исследования в каждом из случаев развивалась в различных региональных формах с многообразными особенностями. Попытки систематизации в рамках этих исследований большей частью ограничивались отдельными культурными пространствами, т. е. испанской, португальской, английской, французской или голландской колониальной истории. Тем не менее исторические исследования отдельных колоний предоставили с 80-х годов такое огромное количество эмпирических результатов по самым различным темам, что компаративные исследования могут опереться на достаточно широкую базу. Это касается экономической и социальной истории,

отдельных политических и административных систем церкви и миссионерства, и вообще культуры.

Особенно важным в данном контексте были, конечно, исследования на тему обращения с этнически чуждыми группами населения и мер по интеграции или изоляции, будь то туземные народы Америки и Африки или иммигрировавшие в добровольном или принудительном порядке группы населения, отличные в этническом или религиозно-культурном плане. Явление этногенеза является здесь центральным фактором, который был уже исследован колониальной историографией. Здесь имеется в виду процесс возникновения новых этнических групп в результате смешивания европейских групп населения с туземными и/или группами населения африканского происхождения, последних с туземцами или же с африканскими элементами других групп, т.к. импорт рабов приводил к тому, что африканцы, принадлежащие к самым различным группам, были свезены вместе. Это же относится и к регионам африканского побережья, куда попадали и смешивались люди из всевозможных стран, вплоть до американских индейцев. Во многих случаях процесс смешивания был связан с возникновением новой культурной идентификации, как это видно на примере синкретических религий, диапазон действия которых в XX веке достигает городов Бразилии или Карибского бассейна, или же на примере широко заимствованной в Европе музыки этих новых культур. Европейское население все более убеждалось в том, что его успех во внеевропейских регионах возможен только в том случае, если оно найдет соглашение с местным населением или даже побудит его к сотрудничеству. В результате возникли новые колониальные образования²⁸, в которых новые этнические группы играли роль посредника между европейским и туземным населением.

В какой степени этим исследованиям способствовал Международный исторический конгресс, предстоит еще выяснить. Во всяком случае несомненно одно - главным пунктом Международного исторического конгресса в Штутгарте в 1985 году была проблема «различия». Он наметил таким образом историческое исследовательское направление, по крайней

²⁸ H.L. Gates, Jr., W.L. Andrews (eds.), *Pioneers of the Black Atlantic. Five slave narratives from the Enlightenment, 1772-1815*. Washington, D.C. 1998; V. Carretta, P. Gould (eds.), *Genius in bondage. Literature of the early Black Atlantic*. Lexington 2001.

мере распространенное в Европе²⁹. Далее в рамках этих исследований по колониальной истории стало ясно, что каждое завоеванное европейцами пространство имело внутреннюю «границу», границу заселения и культурную границу, с очень специфическими формами взаимодействия с самостоятельными туземными народами, с одной стороны, и с населением метрополии - с другой. В конце концов образовались два важных признака внеевропейских районов поселений, которые отличали их от европейских условий: во-первых, относительно высокая степень политической автономии, во-вторых, способность поселенцев быть в ладу с различными культурными и этническими факторами, а при необходимости даже входить в совершенно различные культурные роли. Эта способность полностью отсутствовала у жителей метрополии, которые питали поэтому недоверие к колонистам и даже подвергали их дискриминации.

Какое значение имеет все это для концепции «атлантической истории»? Можно утверждать, что после II мировой войны история экспансии стала заполнять атлантическое пространство эмпирическими данными и фактами, имеющими к нему отношение. Исследования на тему работорговли и рабства с соответствующими формами хозяйствования, которые получили развитие в 60-е годы, обнаружили не только новые факты. Концепция атлантического торгового треугольника, устаревшая сегодня в своей исходной схематической форме, была первой фундаментальной попыткой, которая хотя бы положила начало упорядочению и структурированию эмпирических данных, разработанных с национальной исторической перспективы. Тем самым были открыты новые перспективы для установления связи со всеми континентами, участвовавшими в экспансии раннего периода Нового времени: с Европой, но также с Америкой и Африкой. С тех пор на основании эмпирических данных и, на первых порах, без особого старания относительно методики и дефиниций начала распространяться концепция «атлантической истории». По мере того как в поле зрения исследований оказывались соответствующие континентальные связи, уже имеющиеся факты и научные наработки колониальной истории станови-

²⁹ B. Bradshaw, J. Morrill (eds.), *The British problem, c. 1534–1707. State formation in the Atlantic Archipelago*. New York 1996. Темой работы является исключительно развитие Объединенного Королевства в рассматриваемую эпоху.

лись большой помощью в определении новых понятий. Указанные явления позволили, с одной стороны, ограничить влияние атлантических разработок на национальные исследования и определить соответствующих актеров и сферу их действия. Только для Европы, где эти данные еще отсутствовали, исследование явлений обратной связи началось скорее с атлантической стороны.

С середины 80-х годов в атлантической историографии начали пробивать себе путь новые в методическом плане исследования, а именно исследование сетей торговцев и действующих лиц в целом пространстве или же в его части, выходя одновременно за рамки национально-исторической перспективы, которая до этого преобладала в старой истории экспансии. При этом, наряду со специфическими группами - сефардами, басками, масонами и т.д. - были идентифицированы также «многонациональные сети»³⁰. В ходе этих исследований становилось очевидным, что в атлантическом пространстве, в его самых различных точках, люди сотрудничали в сфере торговли, в посредничестве и в других процессах обмена независимо от языка, культуры, цвета кожи и, очень часто, не взирая даже на какие-либо правовые нормы метрополий. Мышление сетевыми категориями явилось для атлантической истории в методическом плане весьма плодотворным отправным пунктом. Появилась возможность более дифференцированно исследовать уже имеющиеся структурные наброски относительно их функционирования, тем самым более солидно обосновать в методическом плане «атлантическую историю» и, прежде всего, более четко разработать ее самостоятельность по отношению к традиционной национальной перспективе в европейской историографии. Мы хотели бы продемонстрировать это на кратком примере.

После Трафальгарского сражения в 1805 году союзные державы Испания и Франция потеряли свой флот. Наполеон объявил континентальную блокаду, чтобы не допустить англичан, а также атлантическую торговлю в Западную и Центральную Европу, контролируемую французами. Испания встала перед проблемой обеспечения важных поставок драгоценных металлов из американских колоний. В случае с

³⁰ N. Canny, A. Pagden (eds.), *Colonial identity in the Atlantic World, 1500-1800*. Princeton 1987; H. Amory, D.D. Hall (eds.), *The colonial book in the Atlantic world*. Cambridge, New York 2000.

Мексикой проблема была решена следующим образом. Одна торговая фирма в Веракрусе, главном мексиканском порту в Карибском бассейне, которая принадлежала ирландской семье испанского происхождения по имени Мэрфи, обязалась перед испанским вице-королем в Мексике посредничать в этом. Фирме Мэрфи был передан груз государственного серебра, после этого она наняла на Ямайке английские военные корабли, перегрузила серебро в открытом море со своих судов на английские, которые за определенную мзду перевезли серебро в Лондон, где оно было передано партнерам Мэрфи. Партнерская фирма выставила вексель на испанский королевский двор, который, несмотря на блокаду, нетрудно было передать в Испанию. Испания оплатила вексель в Амстердаме и частично в Гамбурге. Если принять во внимание военные обстоятельства, издержки на транзакцию были чрезвычайно низкими – ведь как-никак 80% вывезенной из Мексики суммы попали в Испанию³¹.

Краткое изложение этой истории может свидетельствовать о легкости проведения операции. Но следует учитывать, сколько лиц и учреждений принимали участие в нелегальной для каждой из стран акции. Также следует иметь в виду, что большинство участников имели основания документировать операцию не слишком подробно. Реконструировать ход событий можно лишь тогда, когда следуешь ему на отдельных этапах, находя указания источников. В данном случае это означает – в Мексике, на Ямайке, в Лондоне, в Мадриде и по крайней мере в Нидерландах. На этом примере вырисовывается потенциал и радиус действия «атлантической истории». Связывая между собой вышеназванные разделы исторических исследований Атлантического региона, мы получаем возможность, с одной стороны, разработать в более высокой абстрактной плоскости общие элементы различных европейских экспансионных процессов, опыта колонизации и процессов, протекающих преимущественно в морском пространстве, чтобы, с другой стороны, исследовать изменения в различных регионах Атлантики в их взаимодействии, несмотря на большую географическую отдаленность. Атлантическая история, таким образом, становится связывающим элементом между европейской, североамериканской, кариб-

³¹ P. Butel, *The Atlantic*. London, New York 1999, по-французски: *Histoire de l'Atlantique*.

ской, латиноамериканской и, частично, западноафриканской историей³². Важным признаком атлантической истории является то, что она требует взгляда снаружи на исследуемые феномены и регионы. На первый взгляд может показаться, что это ограничивает возможности познания, но, как правило, легче выбрать интерпретации, сделанные с исторической внешней перспективы, и противопоставить их интерпретациям изнутри, чем наоборот.

Приведем для иллюстрации краткий пример из истории Гамбурга. Региональные историки ведут дискуссии по поводу отмены Гамбургских морских конвоев к Иберийскому полуострову (примерно 1730 года) из перспективы споров, известных в среде купечества и его дебатов с сенатом. Из внешней перспективы становится очевидным, что среди купцов образовались две группировки. Одни торговали преимущественно товарами, поступающими с Иберийского полуострова, прежде всего из Андалузии, такими, например, как фрукты, вино, соль, другие же были включены в торговлю Испании с Америкой через посредников и поэтому зависели от ее периодичности. Вплоть до начала войны за наследство короны в испанской колониальной торговле существовала строгая система, когда эскадры между Кадисом и Америкой плавали два раза в году³³. Начиная с 1720 года, Испания начала понемногу ослаблять свою жесткую систему, регламентирую-

³² H. Pietschmann, *500 años de Historia Iberoamericana. Variantes ejemplares del desarrollo histórico*, // El Reino de Granada y el Nuevo Mundo. V Congreso Internacional de Historia de América. Mayo de 1992. 3 Bde. Granada 1994, Bd. 3, S. 75–86.

³³ Из многих работ по данному вопросу следует назвать прежде всего сборник *La imagen del Indio en la Europa Moderna*. Sevilla 1990, а также введение автора: *Visión del Indio e Historia Latinoamericana*, S. 1–11, со ссылками на указанный выше конгресс, который, наверное, был первой большой публикацией на ибероамериканскую тему. Высказанное в 1985 г. мексиканцами несогласие по поводу юбилея Колумба в 1992 г. привело к употреблению в отношении открытия Америки слова “*encuentro*” по-испански, по-английски «*encounter*», немецкое не совсем удачное “*Begegnung*” - встреча. О новом состоянии исследований на эту тему ср. S. Danforth, *Encountering the New World, 1493–1800*. Providence 1991; A. Pagden, *European encounters with the New World. From Renaissance to Romanticism*. New Haven 1993; он же с др., *Facing each other. The world's perception of Europe and Europe's perception of the world*. Aldershot, Burlington 2000. Этим с опозданием продолжилось направление исследований, которое начал сразу после войны с сильной идейно-исторической направленностью в своей впервые в 1955 году опубликованной книге A. Gerbi. Ср. новое издание A. Gerbi, *La disputa del Nuovo Mondo. Storia di una polemica, 1750–1900*. Nuova edizione a cura di Sandro Gerbi. Mailand 2000.

щую флот, и начала в большом количестве выдавать лицензии отдельным судам, которые плавали почти во все испано-американские регионы круглый год. Для купцов, участвующих в торговле с Америкой, было, конечно, же логично тоже отказаться от конвойной системы, в то время как у купцов, специализировавшихся на фруктах и других товарах из Испании, были свои причины придерживаться старой системы. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что все происходило точно так, но это показывает, что взгляд снаружи может предложить совершенно другие возможности интерпретации, чем взгляд изнутри³⁴.

В области эмпирического расширения исторического познания хронологические рамки атлантической истории следует определять более точно, начиная с позднего Средневековья до начала XIX века прежде всего потому, что к началу 30-х годов XIX века на американском континенте образовались независимые государства, которые определяли себя как нации; в исторических исследованиях преобладает комплекс национально-исторических вопросов. В Африке же колониальная

³⁴ J.M. Price, *France and the Chesapeake. A history of the French tobacco monopoly, 1674–1791, and of its relationship to the British and American tobacco trades*. 2 Bde. Ann Arbor 1973; S.J. Hough, *The Italians and the Creation of America*. Providence 1980; сюда же относится W. Klooster, хотя по названиям работ его можно отнести к классической истории экспансии, ср. *The Dutch in the Americas, 1600–1800*. Providence 1997; *Spanish and Portuguese Jews in the Caribbean and the Guianas: A Bibliography*. Compiled by M. Arbell. Providence 1999; P. Bernardini, N. Fiering (eds.), *The Jews and the Expansion of Europe to the West, 1450–1800*. New York, Oxford 2000; M.C. Torales Pacheco, *Ilustrados en Nueva España: los socios de la Real Sociedad Vascongada de los Amigos del País*. México 2001, чтобы указать только одну новую публикацию по баскской теме; D. Alden, *The making of an enterprise. The Society of Jesus in Portugal, its empire, and beyond, 1540–1750*. Stanford 1996; другую, прежде всего в иберийском контексте, необыкновенно важную группу составляли ирландцы, что до сих пор не подверглось основательному исследованию. В более общем контексте сюда следовало бы отнести: P.K. Liss, *Atlantic empires...*; F. Knight (ed.), *Atlantic port cities. Economy, culture, and society in the Atlantic world 1650–1850*. Knoxville 1991; C. Schnurmann, *Atlantische Welten. Engländer und Niederländer im amerikanischen atlantischen Raum 1648–1713*. Koeln, Weimar, Wien 1998; J. Harland-Jacobs, *Hands across the sea. The masonic network, British imperialism, and the North Atlantic World*, // "Geographical Review", Bd. 89, Heft 2, 1999, p. 237–253; P. Linebaugh, M. Rediker, *The many-headed hydra. Sailors, slaves, commoners, and the hidden history of the revolutionary Atlantic*. Boston 2000; R. Pieper, *Die Vermittlung einer Neuen Welt...* Старые исследования с сильным географическим уклоном, которые старались реконструировать судоходство и торговлю по этапам: A.T. de Matos, *As escalas do Atlântico no Século XVI*. Lisboa 1988; T.B. Duncan, *Atlantic Islands. Madeira, the Azores, and the Cape Verdes in seventeenth-century commerce and navigation*. Chicago, London 1972.

эпоха только началась, а в Европе наступили времена конфликтов между монархическим принципом и конституционной демократией, с одной стороны, и индустриализацией – с другой, и не в последнюю очередь с массовой эмиграцией в Америку. Каждое из этих явлений при ближайшем рассмотрении несет в себе «атлантический потенциал» и указывает на перспективы в направлении «мировой истории» или «глобальной истории»³⁵, если принять во внимание эпоху империализма и мировой торговли. В некоторых публикациях последнего времени эта тенденция ясно прослеживается³⁶.

Интерпретируя концепцию «атлантической истории», нельзя оставить без внимания очень практическую опасность. Историки, участвующие в дискуссии, специализируются большей частью в одной или двух областях. Познания в других областях они черпают из научной литературы. Это часто рождает поспешные выводы. Так, историки, которые специализируются в области иберийских Карибов, рассматривают как недостаток тот факт, что плантационное хозяйство на Кубе, которая была получена от англичан согласно Парижскому договору 1763 года, возникло довольно поздно. Они не замечают главной проблемы: зачем это нужно было делать на Кубе? Ежегодно прибывающие в гаванский порт испанские эскадры были более доходным делом, чем плантации. Они приходили нагруженные европейскими товарами и нуждались в товарах снабжения. Частью товаров из Европы можно было вести доходную контрабандную торговлю с соседними иберийскими районами, куда эскадры не доходили. При этом средства, затраченные на продукты снабжения кораблей, возвращались намного быстрее, чем деньги, вложенные в торговлю сахаром, потому что суда, отправляющиеся на материк, возвращались в Гавану уже через два-три месяца, груженные драгоценными металлами. Для перехода через Атлантику им снова необходимы были продукты, за которые они платили наличными. В торговле сахаром сразу платили

³⁵ Реконструкцию события смотри: С. Marichal, C.R. Venegas, *La bancarrota del virreinato. Nueva España y las finanzas del imperio español, 1780–1810*. México 1999, Кар. V.

³⁶ Историографическое развитие прослеживается в целом ряде публикаций. Так, напр., Джон Хопкинс Пресс публикует с 1980-х гг. сборники под названием: *Johns Hopkins studies in Atlantic history and culture*; ср. также примечание 37. Кроме того, в Гарвардском университете Бернанд Байлин ежегодно (с 1995 года) организует международную конференцию под названием *International Seminar on the History of the Atlantic World, 1500–1800*.

векселями, но наличные деньги возвращались только тогда, когда товар прибывал в Европу, так что производитель, который должен был платить наличными за большинство товаров потребления, получал свои деньги сравнительно поздно. Когда Испания между 1765 и 1786 годами оставила остров и полностью отменила систему флота, очень быстро получило расцвет плантационное хозяйство. Этот пример показывает, что такой подход к рассмотрению проблемы скрывает в себе большой риск также для историков-специалистов в других областях. Этому риску подвергается, конечно, и автор данной статьи, являющийся специалистом по Иbero-америке. Тем не менее, встреча историков, работающих в разных областях, но проявляющих общий интерес к вопросу истории Атлантики, затрагивающему специфику каждого из них, приводит к плодотворным дискуссиям, которые приносят пользу участникам и всему исследовательскому процессу.

Именно таким был летний семинар (*Summer School*) на тему «История Атлантической системы, ок. 1580 – ок. 1830» в 1999 году в Гамбурге, на котором должны были вестись дискуссии о теории и методике «атлантической истории»³⁷ как продолжение ведущихся с 1990-х годов на эту тему исторических дебатов. Главным вопросом дискуссий быстро стал сам термин «система», который был сознательно введен в тему конференции. После активной дискуссии на эту тему ученые пришли к некоторому соглашению: этот термин может быть использован по крайней мере для XVIII века. В настоящее время Стэнли Й. и Барбара Штайн тоже говорят об атлантической системе и даже принимают этот термин, с одной стороны, до 1700 года, с другой – распространяют его и на экономические вопросы³⁸.

³⁷ Разъясняет это источник о конвойном судоходстве, приводимый в примечании 6. Описанный в нем конвой пришел в начале января, примерно за 4 недели до выхода испанского флота из Кадиса – текст упоминает только одним предложением об отплытии флота в начале февраля, и больше ни слова. Однако конвой отплыл только в конце апреля / начале мая назад в Гамбург – время, которое никак не сходится с трансатлантической торговлей, но было очевидно временем созревания южных фруктов в Андалузии.

³⁸ Защищенная в октябре 2001 г., но еще неопубликованная диссертация Аннетты Фогт в Гамбургском университете о трансатлантической торговле с Америкой торгового дома Вапшэус доказывает, что уже в первой трети XIX века почти на 50 процентов больше кораблей из Гамбурга приходило на карибский остров Санкт-Томас, принадлежащий Дании, чем об этом упоминается в гамбургском государственном архиве.

Как можно резюмировать состояние дискуссии о методике и подчеркнуть перспективы вопроса? На первый взгляд «система» как центральное понятие для Атлантики является полезным и нужным термином. Это означает, что в широкой и самой общей перспективе выбран «системный» или основанный на системе отправной пункт. Не вдаваясь в дебри системного анализа, мы хотели бы только указать на две основные формы систем, а именно на открытые и закрытые системы. Эти две формы имеют, конечно, некие переходные состояния, а также подсистемы, в которых можно говорить о большей или меньшей закрытости или открытости. Стоило бы напомнить о том, что идентификация все новых подсистем такого рода – или с точки зрения национальной исторической перспективы, как «английская», «испанская» Атлантика, или из перспективы истории рабства и работорговли и т. д. – вела лишь к содержательному «наполнению» атлантического пространства. Системам же необходимы соединяющие, связывающие их элементы. В большинстве указанных подсистем для идентификации связывающих их элементов достаточны прилагательные «английский», «французский» и т. д... Для Атлантики как целого они еще только должны были быть определены. В этом помогло уже упоминавшееся понятие сети. По мере того как появлялась возможность идентифицировать ненационально окрашенные сети, стало ясно, что в Атлантике сосуществуют различные сети – как стремящиеся к изоляции и ограничению, так и остающиеся открытыми при любых условиях. При этом следует учитывать, что закрытые сети по большей части имеют некий центр, на который они более или менее ориентированы, в то время как открытые сети организованы более полицентрично и горизонтально. В отношении сетей это означает либо существование систем соотношений с различными узлами и пунктами пересечений, где происходит уплотнение, переплетение отношений частей сети, но которые, однако, только отчасти должны быть структурированы иерархически, либо, как в системах, тяготеющих к закрытым, такие сети скорее иерархически привязаны к центру. Это звучит довольно сложно, но так может показаться лишь на первый взгляд. В отношении Атлантики такими узлами являются в первую очередь портовые города на европейском, африканском и американском побережье. Следующими такими узлами являются острова в Атлантическом океане и Карибские острова, которые, как и портовые города,

уже идентифицированы в качестве таких узлов. Они требуют, однако, более детального определения как в отношении их функций наружу, так и в отношении материка, а также относительно вопроса о характере их открытости или закрытости и связи или изоляции по отношению к соседнему региону. Сюда же относятся упомянутые выше проявления коррупции и центральные аспекты колониальной истории.

В таком протяженном пространстве, как Атлантика, необходимы сложные сети для поддержания функционирования системы: коммуникация, обмен людьми, товарами и идеями, общие интересы, основные элементы иных общих ценностей, которые, несмотря на расстояния, сложные обстоятельства или разделяющие факторы, привлекают партнеров для совместной работы. Поэтому определенного рода полицентризм необходим во всех системах, особенно открытых, для обеспечения коммуникации и обмена – несмотря на политическое соотношение сил, как это уже показал упомянутый пример, когда испанское серебро во время войны перевозилось на английских военных кораблях. Это означает, что атлантическая система не может существовать как таковая без определенной степени открытости и полицентризма. Поэтому всякий политический, национально-государственный или религиозно-культурный монизм диаметрально противоположен принципам функциональности такой системы, либо по определению он должен коренным образом изменить характер этой системы. В данном пространстве, конечно, происходят перемены, которые изменяют интересы, вызывают к жизни новые центры в сети или даже изменяют соотношение сил в широком диапазоне, которые, однако, в общей форме изучаются в истории миграций с помощью известных факторов *push and pull* (тяги, толкай). В данной методической перспективе не играет абсолютно никакой роли, находятся ли на одной стороне системы цари или короли, которые определяют политику войны и мира, а на другой – формально зависимые колонии, поскольку для центральных структурных параметров развития это абсолютно неважно, если в системе присутствует открытость – хотя бы на стороне Атлантики. На стороне Атлантики эта открытость присутствовала в интересующую нас эпоху уже только на основе широты ее пространства, и даже в Европе весьма показателен пример наполеоновской континентальной блокады – закрытая система по-настоящему была невозможна. Эти географические

обстоятельства несомненно способствовали использованию указанного нами сравнения цитируемого выше итальянского историка Руджейро Романо. Как всегда повторял Бродель, география для историка является центральным предметом познания, который в таком протяженном пространстве, как Атлантика, особенно необходим.

В контексте политической истории стоит также вспомнить, что европейские державы в различных союзах в XVIII веке вели друг против друга войны на территориях американских колоний, но ни одна из колониальных метрополий не выиграла войны против сколько-либо территориально консолидированной колонии: Англия смогла в 1762 году занять Кубу, а конкретнее Гавану, но предпочла уже в 1763 году по мирному договору в Париже уступить этот важнейший в стратегическом отношении остров Испании; перед этим провалилась попытка нападения Англии на Панамский перешеек, Англия проиграла войну против будущих США, т.е. своих североамериканских колоний; в 1806 году английская армия смогла на Рио де ла Плата заставить отступить испанского вице-короля, но дважды потерпела поражение от городского ополчения Буэнос-Айреса; Франция потерпела ужасное поражение в Гаити в 1796-1803 годах, несмотря на массированное нападение европейских войск, также и Испания не смогла удержать даже малонаселенные области Венесуэлы и Колумбии, несмотря на большие военные контингенты, посланные туда на усмирение восставших. Уже в XVII веке голландцы уступили свою колониальную империю в южной Атлантике не столько португальцам, сколько восставшим бразильцам, которые после победы даже послали флот с вооруженными индейцами в Анголу и освободили от голландского владычества и эту африканскую колонию. Не желая делать какие-либо дальнейшие выводы, мы хотели бы заметить, что население колоний нашло способы ведения войны, которые соответствовали их большим пространствам и малой населенности колоний, а также их климатическим условиям, с которыми европейские солдаты постоянно имели проблемы, в то время как в противоборстве европейских держав в Америке этот дефицит был решен с помощью местных «вспомогательных отрядов» из туземного населения. Даже в 1782 году в Перу массовое восстание в перуанских высокогорных Андах под предводительством Тупак Амару против испанской

колониальной державы было подавлено лишь с помощью местных индейских отрядов.

Благодаря огромной добыче драгоценных металлов в португальской и испанской Америке в XVIII веке как плата за работу, так и цены были, по крайней мере в пределах Атлантики, весьма высоки, что привело к значительной разнице богатства Америки по отношению к областям, лежащим на восток и север от нее. Только на этом фоне становится ясным, почему Америка, сначала для европейских держав и купцов, а затем также и для переселенцев, приобрела такую притягательную силу. Поэтому вполне понятно, что португальская королевская семья в 1808 году бежала не столько перед Наполеоном (Наполеон, конечно, дал бы соответствующее их высокому положению содержание), а скорее с готовностью отправилась в большую по размерам, более населенную и с большим экономическим потенциалом часть империи, с тем чтобы основать там «тропический Версаль». То обстоятельство, что королевскую семью сопровождало около 16000 человек, отнюдь не указывает на ее поспешное бегство. Даже Германия, кажущаяся мало заинтересованной в Атлантике, скоро поняла ее значение, о чем свидетельствует резко увеличившееся здесь к середине XVIII века количество книг, журнальных статей и путевых заметок. Новые исследования показывают, что уже задолго до конца XVIII века ганзейские города и внутренние регионы Германии использовали атлантическую систему не только в коммерческом смысле, пытаясь в нее включиться, но и начали ее исследовать. Уже Александр фон Гумбольдт в течение шести месяцев готовил свое путешествие в Америку, читая литературу и устанавливая контакты, а его труд (об Америке), наверное, является последним большим описанием старой открытой атлантико-американской системы, перед тем как отношения в атлантическом контексте изменились в 1808 году коренным образом.

Если в последнее время концепция «атлантической истории» только на основе эмпирических данных, начинающегося уплотнения информации и слияния отдельных многочисленных эмпирических данных, а также начавшихся дискуссий о методике в достаточной степени застрахована и в своем научном потенциале довольно заметна, то очень многие открытые вопросы основополагающего характера требуют своего выяснения и решения. Они начинаются с нового определения ее хронологических фаз развития. При этом

нужно иметь в виду, что с историей Атлантики не связаны возникновение и упадок колониальных империй, но и в принципе открытый, действующий до настоящего времени исторический процесс. Кроме этого, следует здесь указать на включение (в этот процесс) Африки, которая уже достаточно связана с «атлантической историей» через историю работорговли, а также самой истории Африки – в ее несколько ином течении с точки зрения атлантического процесса имеется еще много вопросов для выяснения. Прежде всего это затрагивает вопрос о причинах поздней, начавшейся по-настоящему только в XIX веке, колонизации Африки, в то время как европейский колониализм в Америке в политическом, культурном и других отношениях достиг своих границ намного раньше. Не связано ли это случайно с добычей драгоценных металлов в Южной Америке, идущей на убыль в конце XVIII века? Проблемы образования и формирования латиноамериканских государств в XIX веке также исследовались до настоящего времени исключительно с точки зрения внутренней, национальной истории, хотя в данном случае отношения с Атлантикой видны не только на примере крупных портовых городов и их роли в политическом развитии последующей эпохи. Следует ли продолжать, что вследствие внутренних этнических конфликтов, четко акцентированных внутренних границ, а также намного меньшего числа европейских иммигрантов латиноамериканские государства гораздо дольше, чем США или европейские государства, оставались довольно открытыми системами с сильной атлантической ориентацией или, в случае стран побережья Тихого океана, с ориентацией на океанское побережье. Связано ли это с истощением запасов драгоценных металлов, которые могли сделать их еще в XVIII веке не только открытыми, но и сильными, привлекательными для других системами? Здесь стоит еще раз вспомнить Александра фон Гумбольдта, который сравнил духовный и социальный «климат» больших городов испанской Америки, где он побывал, с европейскими метрополиями в очень интересной и весьма различной по стилю манере. Глядя на Европу с атлантической перспективы, вновь следует спросить, насколько открытость атлантического пространства являлась элементом, который способствовал возникновению идеи национального государства и даже национализма, как это может быть выведено из наполеоновской идеи континентальной блокады. Не является ли институт

нации возможной попыткой оградить общество от чужого подчиняющего влияния?. Эти примеры могут быть достаточны по крайней мере для направления исторических исследований на первостепенные вопросы, связанные с развитием и дискуссиями внутри «атлантической истории».

Если в 1955 году концепция «атлантической» истории в Европе понималась только в качестве политической инструментализации истории, то в настоящее время, несмотря на факт, что эмпирическо-методическое основание данной концепции уже не оспаривается, все еще наблюдаются повсеместно попытки ее политической инструментализации. Это видно невооруженным глазом в темах и риторике речей на государственных приемах и встречах высокопоставленных политических деятелей. Тот факт, что «атлантическая история» в описанной здесь форме в большой мере является развитием давшей ей толчок англосаксонской историографии, подтверждает на первый взгляд ее отношение к актуальным политическим процессам. Впрочем, историки уже долгое время участвуют в дискуссиях, берущих начало не в Англии или США, а просто использующих английский язык как научное средство общения. В отличие от 1955 года, данная область науки, однако, столь хорошо разработана, что, ссылаясь на конкретные эмпирические данные, которые редко совпадают с употребляемыми в политической риторике обобщениями, в достаточной степени может защититься от ложных утверждений и подтасовок.

Автор выражает сердечную благодарность *The John Carter Brown Library in Providence, RI, USA* за предоставление гранта *Andrew W. Mellon Senior Research Fellowship* весной 2002 года, без которого данная работа не могла бы быть написана.

С немецкого перевел Ю. Комов
(перевод не авторизованный)